

© 1996 г.

Е.А. ЗЕМСКАЯ

КЛИШЕ НОВОЯЗА И ЦИТАЦИЯ В ЯЗЫКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Характернейшая черта современного дискурса вообще – будь это язык художественной литературы, официальное выступление по ТВ или радио, реклама, непринужденная устная речь, газета – широкое и даже широчайшее использование различного рода цитат и клише. В этой статье* используются данные разных сфер языка, особенно широко привлекаются материалы газет, так как язык современных газет может служить зеркалом современной жизни. Он отражает все хорошее и плохое, что свойственно нашей действительности: отказ от показухи и лицемерия, от казенного бюрократизма и безликости, демонстрирует раскованность, раскрепощенность, стремление выразить свое личное мнение, повышенную экспрессивность, порождающую и высокий гражданский пафос и резкость, доходящую до грубости, а временами безвкусыя.

Цитация в современном дискурсе служит реализации поэтической (по Якобсону) функции языка (см. [Якобсон 1975]). Цитация, т.е. "текст в тексте", обостряет диалогичность текста, повышает момент игры, служит порождению подтекста (см. [Лотман 1992 : 155–156]). Что же служит источником цитации? Используются самые различные виды текстов. Один из наиболее значительных и важных по социальному звучанию тот пласт, который идет от бюрократического языка тоталитарной эпохи.

2. Для названия языка тоталитарного советского общества применяются разные термины: "деревянный язык" (*langue de bois*), "язык лжи", "новояз". Я выбираю последний. Термин "новояз" (калька англ. *new speak*) получил распространение после перевода на русский язык знаменитой антиутопии Оруэлла "1984 год" [Orwell 1949]. Аналогичные структуры употребляются и в других славянских языках, например, польск. *powotowa*.

Важнейшие черты новояза – высокая степень клишированности, эвфемистичность, нарушение основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования, ритуализованное использование языка, десемантизация не только отдельных слов, но и больших отрезков дискурса. Клише новояза, как правило, ориентированы либо на абстрактный, условный референт, либо на референт отсутствующий в действительности.

Примеров можно было бы привести сколько угодно. Один из самых ярких – слово *выборы*. Как известно, в советское время выбирали одного из одного. Таким образом семантика слова была полностью разрушена, оставался лишь механический ритуал. Недаром, в начале эпохи перестройки, когда появилась возможность действительно *выбирать*, стали прибавлять к десемантизированному термину "выборы" прилагательное *альтернативные*. Как будто выборы могут быть неальтернативными! Словечко *альтернативный* – как показатель изменения ситуации – очень характерно для эпохи перестройки.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 9506–17479 за 1995 г.

Об особенностях новояза много писали ученые разных стран. Полную библиографию дать здесь невозможно. Назову лишь некоторые работы: [Seriot 1985; Weiss 1986; Rathmayr 1990; Земская 1991; Głowski 1991; Puzyrnia 1992; Вежбицка 1993; Кронгауз 1993; Крысин 1994; Мова... 1995; Купина 1995].

Что представляет собой новояз – стиль языка, речь или особый язык? Сошлюсь на мнение М. Гловиньского, который предлагает считать язык тоталитарной эпохи квазиязыком, рассматривая польскую ситуацию: "Хотя *powstowa* имеет черты функционального стиля (отбор элементов, из которых складывается стиль: репертуар форм, определенная фразеология, отчетливое предпочтение в выборе лексики) и родилась в политической публицистике, она атакует и другие сферы языка, стремится подчинить их себе, становится образцом более широкого общения и претендует на универсальность [Głowski 1991 : 9–10].

Я считаю, что термин "к в а з и я з ы к" верно отражает основные черты новояза, подчеркивая его "ненастоящность" ('как бы' – квази-) и претензии на универсальность (язык).

3. Встает вопрос: как влияет крушение тоталитарной системы, изменения в государственном устройстве, в политике и экономике, на русский язык? Продолжает ли существовать новояз или он уступил место иным формам языкового общения?

Наблюдения показывают, что новояз не сразу сходит со сцены. Многие люди еще не смогли порвать его путы и начать говорить и писать свежим языком. Рефлексы новояза, особенно из сферы фразеологии, расхожих формул, лозунгов, призывов, цитат не сходят со страниц газет, с экранов телевизоров. Широко употребительны они – обычно в ироническом ключе – и в устной речи наших современников. Редкий разговор обходится без иронических отзвуков новояза. Два примера из множества возможных: (1994 г.; разговор двух немолодых женщин-филологов об их общей знакомой, чуждой им по духу) А. Она мне человек чужой // Б. Я это называю: "*два мира – две системы*" //; (1990 г.; разговора врача 50 лет с пациенткой 60 лет) В. Ну как желудок? Нормально работает? П. Не жалуюсь. В. *Продовольственную программу выполняет?*

Часто иронически используются в бытовых контекстах и более новые явления – цитаты из речи вождей перестройки и постперестройки типа горбачевских "процес пошел", "кто есть ху?", "надо определиться", черномырдинское "хотели как лучше, а вышло как всегда".

Пародирование, вышучивание, травестирование официальной фразеологии, лозунгов, призывов, всем известных цитат, названий марксистско-ленинских статей и книг – одно из самых частых средств выразительности в современной публицистике. Текст сугубо официальный, идеологически нагруженный, известный всем деформируется вставкой элементов иных тематических пластов, иной идеологической ориентации и помещенный в чуждый ему идеологический контекст приобретает пародийное звучание.

Особую роль в развенчании официальной политической речи играл и играет жаргон и та его разновидность, которую называют словом *стеб*¹. А. Агеев отмечает: «Что такое *стеб*, все более или менее знают; грубо, приблизительно говоря, это специфический язык, на котором общалась интеллигентская и молодежная тусовка в 70–80 годы. Андрей Вознесенский тогда писал: "Когда спекулянты рыночные / прицениваются к Чюрленису, / поэты уходят в рыцари / черного ерничества". ... ерничество и *стеб* были тогда противопоставлены официальному политико-патетическому жаргону, а заодно и всему "великому русскому языку", позволившему себя редуцировать до партийного "новояза". Это была своеобразная культурная самооборона, весьма, впрочем глухая и не всегда ясно осознаваемая "носителями языка"» (ЛГ. 1994.

¹ Жаргонизм *стеб*, вероятно, восходит к глаголу *стебать*, который Словарь Ушакова характеризует так: "*стебать* (обл.) – хлестать, стегать, бить плеткой, кнутом".

3 авг. С. 4)². Следует заметить, что ерничество и прочие виды иронизации над партийным языком в 90-е годы используется еще более широко, чем в 70–80-е годы.

Последние три-четыре года стали временем триумфа стёба. «Стебают нынче все! Вслед за удалым "Московским комсомольцем" застебали "Независимая", респектабельная "Сегодня", гордый "Коммерсант"» (ЛГ. 1994. 3 авг. С. 4).

Феномен ерничества (предпочитаем это русское слово жаргонному стеб) на основе новояза свойственен, по всей видимости, всем языкам посттоталитарных обществ. Приведем определение стеба, данное социологами Л. Гудковым и Б. Дубиным: «Стёб – род интеллектуального ерничества, состоящий в "публичном", печатном снижении символов через демонстративное использование их в пародийном контексте...» (Знамя. 1994. № 1. С. 166).

Языковую ситуацию, характерную для постсоветской России начала 90-х годов, интересно сопоставить с ситуацией, наблюдаемой в других странах Восточной Европы, например, в Польше. Вот как оценивает положение М. Гловиньски (высказывание 1978 г.). Подчеркивая, что влияния новояза трудно избежать, поскольку он охватывает все стороны жизни, автор указывает на наличие "обороны" со стороны говорящих, выделяет защитную реакцию, видя ее в молодежном жаргоне, гротеске, пародиях на новояз [Głowinski 1991 : 22]. Он отмечает «Хотел бы обратить внимание на роль новояза в современной польской языковой ситуации. Кажется несомненным, что очень трудно уберечься от его влияния, потому что он "прилепляется" к говорящему со всех сторон. ... Новояз атакует всю языковую практику, протискивается всюду. Даже тогда, когда вызывает отпор, когда является предметом критической рефлексии. А в последнее время он все чаще становится таковым» [Głowinski 1991 : 29].

4. Ерническое использование клише новояза имеет очень широкое распространение. Высоко частотны трансформированные клише новояза и цитаты в позиции газетных заголовков. Вот несколько примеров: "Призрак бродит по Европе и через СНГ бредет дальше, в Азию" (ЛГ. 1995. 31 мая; речь идет о внешней политике России); "Телевизор как зеркало русской революции" (Изв. 1993. 26 апр.); "Россия как зеркало американской революции" (Сег. 1994. 12 дек. – о проблемах геополитики); "Гамсахурдиа умер, но дело его живет" (Сег. 1994. 14 янв.); "Влюбленные всех полов, соединяйтесь!" (Сег. 1994. 16 февр.); "Фермер споткнулся о противоречия между городом и деревней" (Сег. 1993. 30 апр.).

Клише новояза используется не только в заголовках, ими "набиты" и тексты статей разной тематики – политической, экономической, искусствоведческой, бытовой и др.

Приведем пример саркастического перевода официального штампа "социальный заказ" в сниженно-бытовой план. В ответ на демагогическое письмо читателя, обвинившему автора газетной статьи С. Мостовщикова в выполнении *социального заказа* (по правилам новояза, читатель не указывает, чей социальный заказ он имеет в виду), журналист пишет: "... хочу сообщить ему [читателю] некоторые соображения о социальном заказе. Что это такое, я отдаленно догадываюсь. Три раза в жизни я даже делал такой социальный заказ в прачечной по месту постоянной прописки. Там его выполняли быстро, примерно через неделю. Так что... – Але! Это не прачечная. Вы не туда попали" (Изв. 1995. 21 окт.).

Особая выразительность достигается объединением клише новояза с жаргонизмами. Вот характерный отрывок из статьи В. Болохова ("Члена Союза российских писак"): «Воры в законе! Урки и блатяки! Жиганы и шпанюки! И т.д. и т.п. К вам обращается бывший "рядовой" не из последних не последнего "отряда" фанатичных "пацанов", что служили (светлой для них тогда) воровской идее...» (В. Болохов. Соловей разбойник не по лжи – НГ. 1993. 20 июля).

² В статье приняты следующие сокращения: АиФ – Аргументы и факты; Изв. – Известия; ЛГ – Литературная газета; НГ – Независимая газета; Сег. – Сегодня.

В этом фрагменте можно видеть пародийную перекличку, создаваемую как лексикой и фразеологией, так и интонационным строением с тремя текстами: речь Сталина 3 июля 1945 г. ("Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои..."), которая в свою очередь опирается на типические зачины церковных проповедей; третий план – традиционные призывы ЦК КПСС к народу перед праздниками.

Расхожие общеизвестные цитаты советской художественной литературы часто скрещиваются с клише новояза, создавая резкий пародийный эффект. При этом цитата обычно дается без кавычек, впадываясь в авторский текст, как бы имитируя свою принадлежность автору. Однако ее общеизвестность столь велика, что цитатность не только не вызывает сомнений, но бросается в глаза. Наиболее частая функция такого цитирования – снижение высокого, пародирование, развенчание кумиров. Вот пример. В статье "Вся наша жизнь – вокзал" (АиФ. 1993. № 1) читаем: «Входишь в здание Казанского вокзала и... *Среднего роста, плечистый и крепкий, возвышается вождь на постаменте и указывает рукой в сторону, противоположную табличке "выход к поездам"*». Слова "*Среднего роста, плечистый и крепкий, / Ходит он в желтой футболке и кепке...*" – строки из стихотворения Маршака, известного всем детям, учившимся в советской школе. Отнесение этой цитаты к образу Вождя и Учителя дает резкое снижение, пародийно изображая Ленина в нарочито бытовом плане. Вождь, как пишет журналист, «указывает рукой в сторону, противоположную табличке "выход к поездам"», и далее – едко иронический комментарий: "Но народ не верит жесту и идет *теперь* (выделено мной. – Е.З.) своим путем..."

Особенно часто в составе интеллигентского стёба используются строки (неизменные или слегка трансформированные) Маяковского. Видимо, пафос позднего Маяковского "удобнее" всего для пародийного изображения революционной патетики. Вот пример из газетного интервью: – Олег, расскажите, как вас в депутаты занесли? – *Юноше, обдумывающему бытие, думающему жизнь лепить с кого, предлагаю лепить ее с Васи Липицкого* (Сег. 1993. 28 мая).

Статья "Купеческая внучка требует вернуть часть ленинского мемориала" начинается словами: "*Ильича, который живет всех живых*, продолжают притеснять даже в легендарном Шушенском" (Изв. 1993. 1 дек.).

А вот как изображает журналист М. Ланцман в газете "Сегодня" переговоры Б. Ельцина с В. Черномырдиным, проходившие в октябре 1995 г. Речь премьера озаглавлена "Разговор с товарищем Ельциным", так что мы сразу узнаем название стихотворения Маяковского "Разговор с товарищем Лениным". Звучит речь так:

"Товарищ Ельцин, я вам докладываю
Не по службе, а по душе,
Товарищ Ельцин работа адова
Будет сделана и делается уже.
Освещаем, одеваем нищ и оголь,
Ширится добыча газа и руды...
(Сег. 1995. 2–8 окт.).

И далее следует с легкими изменениями – по тексту Маяковского, до конца стихотворения:

"Товарищ Ельцин, по фабрикам дымным,
По землям, покрытым снегом и жнивьем,
Вашим, товарищ, сердцем и именем,
Думаем, дышим, боремся и живем..."

Журналист сам объясняет, почему «обычно сухой и зажатый Черномырдин вдруг отбросил прозу и заговорил поэзией? ... А очень просто. Премьер у нас умный. Ему ли не знать, что *поэт в России – больше, чем поэт*. От поэта в России просто так не отмахнешься. ... Президент задумался: "Ведь если я сейчас отправлю премьера на

предвыборный фронт, то кто реализует *планов громадье*? Скоков, что ли? Или Сосковец?"» (Сег. 1995. 2–8 окт.).

5. Интересен вопрос об адресате дискурса, включающего трансформированные клише новояза и цитаты советской поэзии. Очевидно, что адресат должен знать или хотя бы чувствовать наличие подтекста, следовательно, адресатом может быть лишь человек среднего и старшего возраста, выросший в советское время. Зеленая молодежь и дети в большинстве своем не знакомы с "включенным" текстом, они не воспринимают пародийного эффекта.

Мне известен такой эксперимент. Студентам были предъявлены газетные заголовки, в которых заключались перифразы широко известного выражения об *успешном строительстве / победе коммунизма / социализма в одной отдельно взятой стране*, например: "Успешное строительство капитализма в отдельно взятом пионерском лагере" (Изв. 1994. 21 окт.); "Коммунист победил окончательно в отдельно взятом Непале" (Изв. 1994. 1 дек.).

Студенты иронического подтекста не ощутили. Поэтому можно предположить, что скоро расцвету "новоязовского ерничества" придет конец. Его сменят другие формы выразительности.

Стёб начинает надоедать. Примечательно в этом отношении высказывание мастера стёба В. Аксенова. В статье "Странности ностальгии" он пишет: "... пресса наша погрязла в постдемократическом цинизме, в отупляющем *стёбе*, когда для того лишь, чтобы продемонстрировать независимость, путаются все ориентиры..." (Изв. 1995. 21 нояб.).

Уходят на наших глазах и многие стереотипы ритуальных действий. 7 ноября 1995 г. я наблюдала такую сцену. Девятилетний мальчик с удивлением увидел на экране телевизора демонстрацию с красными флагами и сказал маме: "Представляешь, там даже дети были, кажется, сегодня какой-то коммунистический праздник".

Таким образом, смена поколений должна естественным образом снести на нет ироническое использование новояза.

В 1994 г. одна из газет опубликовала "Букварь современного первоклассника". Он содержит разные временные пласты клише, отражающие нашу микроисторию. Таким образом, у детей и молодежи рождаются свои стереотипы, на уровне номинаций, фразеологии, целых высказываний.

6. Встает вопрос: можно ли сказать, что новояз существует в наши дни только в форме ерничества (стёба)?

Увы, нет. Новояз не умер. Он очень живуч и пронизывает сознание современного человека. Новояз используется не только в виде ернических трансформаций, но и всерьез в составе официальных приказов, речей, распоряжений. Приведу (из газеты) один, но очень красноречивый пример – распоряжение премьера правительства Москвы Ю. Лужкова от 27 марта 1995 г.:

"Об организации основных мероприятий в связи с празднованием Святой Пасхи.

В связи с проведением праздника Святой Пасхи

3 апреля 1995 г.:

1. Одобрить план основных общегородских мероприятий по проведению праздника Святой Пасхи.

2. Департаменту по делам печати и информации организовать проведение работ по праздничному оформлению города" (Центр plus. 1995. 17 апр.).

И далее в таком же стиле 5 пунктов.

Новояз живет и в обыденной речи. Следы новояза, употребленного без тени иронии, встречаются в бытовой речи, чаще, конечно, у пожилых людей. Вот два домашних разговора.

(У ребенка нарывает палец. Бабушка спрашивает у матери.) – А кто ему *ведет нарыв*? Ответ звучал несколько раздраженно – Я. Но я не веду нарыв. Я ему пере-вязываю палец; (Хозяева квартиры на некоторое время уезжают из дома. Пожилая

родственница говорит знакомой) – Я буду приходить туда регулярно, *вести квартиру*. Собеседница, недоуменно глядя на нее, спросила: – Что вы имеете в виду?

Глагол *вести* в официально-канцелярском языке "в немногих выражениях" (Сл. Ушакова) имеет значение 'руководить', 'заведовать'. Глагол в этом значении сочетается с процессуальными существительными. Можно *вести собрание*, *вести – проводить мероприятие*, наконец, *вести хозяйство*. Использование этого глагола в сочетании с названиями конкретных предметов – реликт новоязовского канцелярита, отражающий очень важную особенность менталитета человека, прожившего жизнь при тоталитаризме: стремлении любое действие рассматривать как руководство (будь то нарыв, – когда речь идет о лечении и перевязывании пальца, или квартира, комната, когда речь идет о присмотре за пустым помещением).

Позиции отправителя и получателя речи в подобных случаях противоположны тем, о которых говорилось выше; там молодой адресат не чувствовал иронии, сарказма в речи более старшего; здесь пожилой говорящий даже не предполагает о комическом или ином нежелательном для него эффекте, который могут вызвать его слова.

7. Итак, новояз в языке постсоветского общества используется в трех функциях:

- 1) как важнейший элемент пародирования, ерничества (стёба);
- 2) как серьезный элемент бюрократического языка, идущего из прошлого;
- 3) реликты новояза, живущие в бытовой речи без установки на шутку, свидетельствуют о сохранении у многих говорящих особенностей советского менталитета.

8. Размышления о природе новояза и особенностях его функционирования в обществе заставляют затронуть еще одну проблему. Являются ли признаки, свойственные новоязу, присущими только языку тоталитарных социалистических режимов? Иначе эту проблему можно назвать так: "Язык и Догма".

Наблюдения показывают, что признаки новояза – высокая степень клишированности, демагогическое манипулирование языком с целью сокрытия подлинного смысла, использование условных эвфемистических наименований, избегание прямых номинаций составляет особенность не только советского тоталитарного языка. Приведу примеры, касающиеся языка двух стран – США и Канады, стран с высокоразвитыми демократическими системами. В этих странах в наше время велика сила понятия "политической корректности". Принято даже сокращение "р.с."

Явление "р.с." вторгается во все области жизни, влияя на судьбу многих членов общества.

В газете "Сегодня" читаем: «В известном фольклорном исполнении идея "р.с." звучит так: если хочешь оказаться самым счастливым человеком в США, тебе лучше быть средних лет безработной многодетной негритянкой-лесбиянкой (можно и наркоманкой, а если повезет – жертвой сексуального насилия со стороны родителей в детстве). В этом случае ты подпадаешь под все мыслимые льготы, квоты и привилегии, какие только может представить своему гражданину столь развитое и процветающее государство, как США» (Сег. 1995. 5 окт.).

Боязнь нарушить политическую корректность влияет и на язык. А. Россинская, эмигрантка из России, живущая в Торонто, пишет: «Сегодня политическая корректность внедрилась уже и в область языка и управляет теперь лингвистическим арсеналом современного английского. Всех нас когда-то учили, что нельзя говорить "негр" – обижаются. Надо говорить "черный". Теперь уже и "черный" нельзя. "Я не черная, я коричневая" – говорит героиня негритянски-расистского фильма... Что же, – соглашаются добрые канадцы – им не нравится быть черными, переименуем! Теперь принято говорить "афро-канадцы". Если где-нибудь в официальной обстановке скажешь иначе – можешь опять-таки и работу потерять» (Сег. 1995. 7окт.).

Требования политической корректности – мощный фактор порождения бюрократических клише. Все они имеют эвфемистический характер. Про бедных надо говорить "социально недопривилегированные", про умственно неполноценных – "судьба бросила вызов их умственному развитию". Много эвфемизмов порождает сексуальная сфера: гомосексуалисты и лесбиянки именуются "лицами альтернативной

сексуальной ориентацией". Обращу внимание на словечко *альтернативный*, которым богат и наш официальный язык.

Любопытна фразеология, используемая в сфере образования. В Канадских справочниках альтернативных школ есть школы для "особо одаренных неуспевающих" и для "способных умственно неполноценных". Ругать плохих учеников непозволительно, можно только хвалить. Иначе учителю грозит увольнение. Даже толстяку нельзя сказать что он толстый – "следуя политической корректности надо писать так: имеющий проблемы в горизонтальном измерении" [Россинская 1995].

Приведенных примеров достаточно. Политическая корректность стала в американском и канадском обществах средством получения выгод и рождения несправедливости. Как пишет Т. Малкина, в университете Беркли пришли к выводу, что "самый бесправный и неперспективный тип американца – молодой, с университетским образованием, имеющий работу и нормальную семью здоровый белый мужчина – гетеросексуал. Говорят, что сам мэр Сан-Франциско публично признал правоту этого заключения" (Сег. 1995. 5 окт.).

Требованиям политической корректности способствует тому, что снижается уровень образования (многие школьники не умеют читать и писать, не знают даже таблицу умножения), совершаются несправедливости при приеме на работу и увольнении. На работу нередко берут плохих профессионалов черных вместо более компетентных белых, в суде (из боязни нарушить "писи") оправдывают убийства (см. об этом в статье М. Зимина "Преступление без наказания" – Сег. 1995. 5 окт.).

Сказанное позволяет сделать такой вывод: доведение даже очень хорошей социальной идеи до абсурда (в данном случае – догматизм и бескомпромиссность в борьбе за права слабых и ущемленных) могут давать результаты, аналогичные тем, которые порождает тоталитаризм.

При этом аналогии наблюдаются как в социальном плане, так и в языке.

Близкие наблюдения были высказаны Т.М. Николаевой при рассмотрении градуальных и бинарных стереотипов оценок. Указывая, что бинарные (дуальные) стереотипы характеризуют традиционные культуры, автор пишет: «Естественно, что к бинарности ментальных структур тяготеют и авторитарные (тоталитарные) политические системы, поэтому в таких случаях исчезает (или не присутствует) все среднее... Таким образом, любое развитие авторитарных тенденций "опрокидывает" общество и/или индивида к более ранней ступени развития homo sapiens» [Николаева 1995 : 88].

9. Включение в современный дискурс цитат иного рода (идуших не из новояза) – в высшей степени характерно для различных сфер современного языка. Используются прецедентные тексты (см. [Караулов 1987]) из разных источников, имеющие разную степень известности. Это прежде всего строки поэтических и прозаических художественных произведений (современных и старых, русских и переводных), названия художественных произведений, кинофильмов, отрывки из песен, пословицы и поговорки. Цитаты включаются в текст как в неизменном, так и в трансформированном виде (квазичитаты).

Виды трансформаций и функции цитации и квазичитации рассматривались нами в работе [Земская 1996]. Здесь лишь постараемся показать, что функции цитации в широком смысле слова более сложны и многообразны, чем функции включения в текст клише новояза. Это не обязательно пародирование, развенчание кумиров, снижение символов.

Цитата нередко – загадка, которую автор предлагает читателю разгадать. Вот, например, заголовок рецензии на постановку оперы "Руслан и Людмила": "*Неверный Руслан. Гусарская баллада, или Скверный анекдот*" (НГ. 1993. 28 мая). Почему Руслан "неверный"? Причем здесь "Гусарская баллада" и "Скверный анекдот"? – гадают читатели. Ответ дает сам автор, который в начале статьи раскрывает инвертированность используемых заглавий: «Начав со слов "неверный Руслан", я вовсе не думал пародировать название знаменитого романа Георгия Владимова. "Гусарская

баллада" – опять же не реверанс советскому кинематографу, а попытка определить жанр оперы, которая дается в музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. "Скверный анекдот" – робкая надежда ответить на sacramentalный вопрос: "Зачем?" Зачем уважаемый театр так поставил "Руслана и Людмилу" Глинки?»

Отметим, что авторы не часто дают пояснения своей цитации и квазичитации. Чаще читатель сам должен найти ответ.

Иллюстрацией такого случая может служить заглавие статьи Ю. Гладилицыкова "Оземь с половиной". Эта статья помещена в рубрике "Кино 1995" (Сег. 1995. 18 нояб.) и является рецензией на новый американский фильм, о чем сообщает подзаголовок: "The doom Generation: первый почти как настоящий фильм Грегга Араки". В заголовке "Оземь с половиной" явно слышится отзвук названия знаменитого фильма Феллини "Восемь с половиной". В чем же смысл замены *восемь* на *оземь*? При формальной близости этих слов (ср. *восемь* и простор. диал. форму *осемь*; близость звуков *з* и *с*, различающихся лишь признаком глухость / звонкость) разница в их значении выступает особенно ярко. Слово *оземь* (разг. 'сверху вниз', 'на землю') вносит в смысл заголовка семантику резкого, грубого удара: наречие *оземь* сочетается с глаголами, обозначающими резкие движения, производимые с особой силой, *оземь* можно только швырнуть, бросить, но не положить.

Рецензент пишет, что фильм построен на чередовании шок – стёб – шок – стёб – шок – стёб, а жанр фильма характеризует как соединение гротескной комедии с ужасником (именуя этим жаргонным словом фильм ужасов). Названием рецензии автор как бы воспроизводит для читателя газеты эффект, который фильм оказывает на зрителя. Соотнесенность с феллиниевским названием многопланова. В ней можно видеть и эпатаж – указание на абсурдность (наречие *оземь* по нормам языка не сочетается со словами *с половиной*, это соединение бессмысленно), и указание на то, что Араки не дотягивает до Феллини, и намек на перебор грубости, и...

Читатель призван размышлять, угадывать. Удачная разгадка порождает чувство удовлетворения и повышает читательский интерес. Трансформированная цитата создает языковую игру, которая составляет типическую особенность русского языка 90-х годов.

Текст целой газетной статьи может представлять собой монтаж из цитат (и их трансформаций) художественного произведения, проецируемого на современную политическую (или иную) ситуацию. Так, например, строит свою характеристику предвыборной ситуации в России зимой 1995 г. М. Ланцман, используя пьесу Гоголя "Женитьба". Положение современного избирателя, вынужденного найти хоть что-нибудь подходящее среди кандидатов 43 партий и блоков уподобляется положению гоголевской невесты. Статья, озаглавленная словами Агафьи Тихоновны "Пошли вон, дураки!", начинается так: "Николай Васильевич Гоголь был гениальный человек. Интригу, закрученную вокруг выборов – 95, Николай Васильевич разложил по нотам еще 150 лет тому назад. Нам, недостойным потомкам гения, остается только изменить имена действующих лиц. И это было бы справедливо: ведь за 150 лет сменилось по крайней мере пять поколений". (Сег. 1995. 18 нояб.). И далее автор рисует современную ситуацию, изображая ее посредством пьесы в трех актах, в которой действуют кандидаты, электорат (избиратели) и телевизор. Реакция читателя – смех сквозь слезы.

10. Итак, игра с цитатами разного рода (в том числе и с клише новояза) – излюбленное средство выразительности в современном языке.

Присутствие "чужого слова" придает резкую экспрессивность современному дискурсу. "Текст в тексте" создает двуплановость или многоплановость восприятия. Функции цитации и квазичитации многообразны: пародирование, травестирирование, осмеяние догм, поэтизация, создание загадки и др. Дискурс приобретает диалогичность, что свойственно современному языку (см. [Панов 1988]). Читатель из пассивного получателя текста превращается в соавтора. Манипулирование с цитатами при-

суще не только языку публицистики, но и разговорному языку, а также языку современной художественной литературы. "Энергия клишированных форм" [Кронгауз 1995 : 57] составляет специфику ряда направлений (например, постмодернизм, концептуализм) современной художественной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежицкая А.* 1993 – Антитоталитарный язык в Польше // ВЯ. 1993. № 4.
- Земская Е.А.* 1991 – Язык современных газет и перестройка // Zielsprache russisch. 1991. № 1.
- Земская Е.А.* 1996 – Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996 (в печати).
- Караулов Ю.Н.* 1987 – Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кронгауз М.А.* 1993 – Новейшая история русского языка: эпоха социализма // Języki słowian'skie wobec współczesnych przemian w krajach Europy środkowej i Wschodniej. Opole, 1993.
- Кронгауз М.А.* 1995 – Энергия клишированных форм // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1995.
- Крысин Л.П.* 1994 – Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. В., 1994. № 1–2.
- Лотман Ю.М.* 1992 – Избранные статьи. Т. I. Таллин, 1992.
- Купина Н.А.* 1995 – Тоталитарный язык. Екатеринбург – Пермь, 1995.
- Мова...* 1995 – Мова тоталітарного суспільства. Київ, 1995.
- Николаева Т.М.* 1995 – Качели свободы / несвободы: трагедия или спасение? // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1995.
- Панов М.В.* 1988 – Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1988.
- Якобсон Р.* 1975 – Лингвистика и поэтика // Структурализм "за" и "против". М., 1975.
- Głowinski M.* 1991 – Nowomowa po polsku. Warszawa, 1991.
- Orwell G.* 1949 – Nineteen eighty-four. L., 1949.
- Rathmayr R.* 1991 – Von Kommernant bis джаст-ин-тайм: Wiederbelegungen, Unwertungen und Neubildungen im Wortschatz der Perestrojka // Slavistische Beiträge. Bd. 274. Slavistische linguistik 1990. München. 1991.
- Seriot P.* 1986 – Analyse du discours politique soviétique // Cultures et sociétés de l'est. 2. P., 1986.
- Weiss D.* 1986 – Was ist neu am "newspeak"? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische linguistik 1985. München, 1986.
- Puzynina J.* 1992 – Język Wartości. Warszawa, 1992.